

УДК 34**Цифровые права как объекты гражданских прав****Роженцева Арина Павловна**

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Пугина Варвара Ивановна

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Гайдук Вячеслав Александрович

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Юркевич Эвелина Александровна

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Носик Дмитрий Евгеньевич

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Корчагин Анатолий Георгиевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовой природы цифровых прав в российском гражданском законодательстве, введенных в 2019–2020 гг. (ст. 141.1 ГК РФ, законы о цифровых финансовых активах и инвестиционных платформах). Автор рассматривает дискуссионные вопросы, связанные с узким и противоречивым определением цифровых прав, их отграничением от утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, а также проблемами оборотоспособности и верификации прав в информационных системах.

Для цитирования в научных исследованиях

Роженцева А.П., Пугина В.И., Гайдук В.А., Юркевич Э.А., Носик Д.Е., Корчагин А.Г. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 411-418.

Ключевые слова

Цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, гражданское законодательство, информационные системы, объекты гражданских прав, цифровая экономика.

Введение

Современный этап технологического прогресса существенно преобразует экономические и правовые институты, что требует соответствующей модернизации нормативно-правовой базы. Эти изменения затронули и российское гражданское законодательство, что нашло отражение в ряде значимых поправок. В частности, с 1 октября 2019 года вступила в действие статья 141.1 ГК РФ «Цифровые права» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 51ФЗ, 1994], введенная Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)]. Данная новация была направлена на создание правовых основ для регулирования общественных отношений в условиях цифровой трансформации, включая последующее принятие специальных законов о цифровых финансовых активах и инвестиционных платформах [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)].

Признание цифровых прав в качестве самостоятельного вида объектов гражданских прав подтверждается их включением в перечень объектов гражданских прав, предусмотренный статьей 128 ГК РФ, наряду с такими традиционными объектами, как безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Однако сформулированное законодателем определение цифровых прав вызвало значительные научные дискуссии среди специалистов в области гражданского права, которые не утихают до настоящего времени. Это связано с

недостаточной проработанностью их правовой природы и содержания, что создает определенные сложности в правоприменительной практике.

Основное содержание

В научной литературе преобладает обоснованная критика законодательного закрепления цифровых прав как объекта гражданских прав. Как отмечают многие исследователи, включая Л.А. Новоселову, используемая в ГК РФ терминология вызывает серьезные вопросы. В частности, термин «цифровое право» применяется в значении технического понятия («токен, связанный с имущественным правом»), при этом содержание самого права остается нераскрытым. Такой подход демонстрирует узкое, ограниченное понимание цифровых прав законодателем, что создает значительные трудности как в теоретическом осмыслении данного правового института, так и в правоприменительной практике [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)].

Среди научных позиций заслуживает внимания подход С.В. Сарбаша, который, признавая дискуссионность концепции цифровых прав, подчеркивает ее преемственность с традиционными цивилистическими конструкциями. В его интерпретации цифровое право представляет собой не самостоятельный вид прав, а лишь новую форму выражения существующих правовых категорий (вещных, обязательственных, корпоративных или исключительных прав). При этом цифровизация рассматривается исключительно как способ оформления правоотношения, не затрагивающий его материального содержания.

Данная позиция находит поддержку среди ведущих цивилистов. Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова также отмечают терминологическую неточность законодателя, указывая, что используемое понятие «цифровое право» может вводить в заблуждение, создавая иллюзию появления принципиально нового вида субъективных прав. По их мнению, речь идет лишь об инновационном способе фиксации прав, который модифицирует некоторые свойства закрепляемых прав, но не изменяет их правовую природу [Гонгало, Новоселова, 2019].

М.А. Рожкова разделяет позицию о недостаточной проработанности соответствующей дефиниции в Гражданском кодексе РФ. Исследователь справедливо отмечает, что введение любого нового правового понятия должно преследовать конкретные цели правоприменительного характера. Однако в данном случае, по мере разработки сопутствующих нормативных актов, изначальная целесообразность введения термина «цифровые права» была утрачена, что делает его существование в действующей редакции ГК РФ избыточным и неоправданным [Рожкова, 2020].

Анализ положений Гражданского кодекса РФ показывает, что законодатель использует узкую трактовку термина «цифровые права». Согласно ст. 141.1 ГК РФ, к ним относятся только те обязательственные и иные права, которые прямо названы цифровыми в законе. При этом их содержание и условия реализации должны определяться правилами информационной системы, соответствующей установленным законодательным требованиям.

Законодательное определение содержит три ключевых ограничения: необходимость прямого указания в законе, привязка к правилам информационной системы и обязательное соответствие этой системы законодательным критериям. Такая конструкция существенно ограничивает круг прав, которые могут быть отнесены к цифровым, устанавливая для них специальный правовой режим.

Законодательство устанавливает специальный режим обращения цифровых прав, предусматривая их осуществление, распоряжение и ограничение исключительно в рамках соответствующей информационной системы без необходимости привлечения третьих лиц (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ), при этом обладателем права признается лицо, имеющее возможность им распоряжаться согласно правилам системы, за исключением прямо предусмотренных законом случаев (ч. 3 ст. 141.1 ГК РФ), а переход прав по сделке происходит без согласия обязанного лица, что свидетельствует о законодательном ограничении оборотоспособности цифровых прав в рамках специально созданных для этого информационных систем и отличает их от традиционных обязательственных правоотношений.

Современное законодательство, в частности вступивший в силу 1 января 2020 года Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, закрепляет понятие утилитарных цифровых прав, к которым относятся: (1) право требования передачи вещи, (2) право требования исключительных или лицензионных прав на результаты интеллектуальной деятельности, (3) право требования выполнения работ или оказания услуг (ч. 1 ст. 8). При этом такие права приобретают статус утилитарных цифровых только при их первоначальном возникновении на основании договора, заключенного через инвестиционную платформу в соответствии с установленными правилами (ч. 3 ст. 8). Законодатель исключил из категории утилитарных цифровых прав требования, связанные с имуществом, сделки с которым требуют государственной регистрации и/или нотариального удостоверения (ч. 2 ст. 8), что позволяет рассматривать цифровую фиксацию как новый, наряду с традиционными, способ удостоверения имущественных прав в условиях цифровой экономики.

Однако представленная концепция вступает в противоречие с положениями статьи 128 ГК РФ, где цифровые права указаны как отдельная разновидность имущественных прав наравне с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. А.В. Асосков обоснованно отмечает, что законодатель фактически ввел новый способ фиксации имущественных прав, существующий параллельно с бездокументарными ценными бумагами [Новоселова и др., 2019]. В то же время Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова аргументируют, что для признания нового самостоятельного объекта гражданских прав необходимы особые качественные характеристики, требующие установления специального правового режима. При этом исследователи подчеркивают, что обособленный статус цифровых прав обусловлен именно их уникальным способом учета и подтверждения - посредством информационных систем, где правообладателем признается лицо, имеющее техническую возможность распоряжения правом благодаря доступу к такой системе [Гонгало, Новоселова, 2019].

В развитие положений статьи 141.1 ГК РФ был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах», вступивший в силу 1 января 2021 года (с отдельными исключениями). Данный нормативный акт вводит дополнительную категорию цифровых прав – цифровые финансовые активы, которые определяются как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Законодатель четко разграничил две категории цифровых активов: утилитарные цифровые права (исключающие денежные требования) и цифровые финансовые активы (не распространяющиеся на вещи, работы, услуги и объекты интеллектуальной собственности).

При этом с 1 января 2021 года в рамках обновленной редакции статьи 8 Закона об инвестиционных платформах предусмотрены: 1) возможность приобретения и отчуждения цифровых финансовых активов, а также цифровых прав, включающих одновременно утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, в инвестиционной платформе; 2) возможность осуществления сделок с утилитарными цифровыми правами через оператора обмена цифровых финансовых активов.

Однако Закон о цифровых финансовых активах устанавливает ограничения для кредитных организаций, запрещая им выступать операторами инвестиционных платформ. Как справедливо отмечает А.Ю. Лисицын, действующее регулирование создает правовые основания для организации в рамках единых информационных систем обращения различных видов цифровых активов, включая как привязанные к денежным обязательствам, так и обеспеченные физическими активами [Лисицын, 2020].

Анализ положений статьи 141.1 ГК РФ и статьи 8 Закона об инвестиционных платформах выявляет существенную проблему гражданско-правового регулирования цифровых прав, неоднократно отмечаемую в научной литературе. Речь идет о законодательном ограничении, согласно которому осуществление, распоряжение и ограничение цифровых прав возможно исключительно через информационную систему без обращения к третьим лицам.

Как справедливо отмечает С.В. Сарбаш, данная норма вызывает вопросы относительно правовой природы таких прав, поскольку субъекты гражданских правоотношений традиционно могут реализовывать свои права различными способами - как с использованием информационных систем, так и без них: "Я уже приводил пример с договором банковского счета, где у человека есть альтернатива: то ли взаимодействовать с банком посредством соответствующих программ, то ли отправиться в отделение банка. Разве мои права во втором случае перестают быть оформлены цифровым образом? Ведь в банке у владельца не потребуют ничего, кроме паспорта, но права как были в цифровой форме, так и остались. Почему законодатель ограничивает наши возможности? Или имелось в виду не это?"

Возникает правовая неопределенность в отношении того, является ли цифровая форма обязательным условием существования самого права или представляет собой лишь один из возможных способов его реализации.

При этом ряд специалистов в области гражданского права, в частности Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова, не только не усматривают противоречий в данной законодательной формулировке, но и рассматривают указанное ограничение как существенный отличительный признак цифровых прав, подчеркивая особенность их системы учета, которая характеризуется отсутствием традиционного посредника, ответственного за передачу прав и достоверность учетных данных, что принципиально отличает их от других объектов гражданских прав [Новоселова и др., 2019].

В научной литературе отмечаются и другие проблемные аспекты регулирования цифровых прав. В частности, А.В. Семенов обращает внимание на содержащееся в законодательном определении разделение понятий «осуществление» и «распоряжение» цифровыми правами. Такой подход вызывает вопросы, поскольку традиционно в цивилистике осуществление права

включает в себя и возможность распоряжения им. Данная нормативная конструкция может свидетельствовать о попытке законодателя пересмотреть устоявшиеся доктринальные подходы к соотношению этих правомочий.

Ряд исследователей подвергают обоснованной критике законодательную конструкцию статьи 141.1 ГК РФ, отмечая терминологическую противоречивость в определении цифровых прав. В частности, указывается на некорректное отождествление понятий «информационные системы» и «цифровые системы» в контексте регулирования цифровых прав. Как справедливо отмечает А.В. Нестеров, хотя законодатель сделал важный шаг в легализации цифровых правоотношений, базовые понятия цифровой экономики (такие как «цифровая система», «цифровой документ», «цифровой продукт») остаются юридически неопределенными. Это создает существенные сложности в правоприменительной практике и затрудняет понимание сущности цифровых прав профессиональным юридическим сообществом [Нестеров, 2020].

Заключение

Таким образом, ведение в гражданское законодательство норм о цифровых правах вызвало значительное количество дискуссий и нерешенных вопросов, которые потребуют дальнейшего осмысления и правового регулирования по мере накопления практики разрешения споров в цифровой сфере. Специфика регулирования цифровых прав в России проявляется в существенном ограничении круга признаваемых цифровых прав по сравнению с зарубежными юрисдикциями, что создает пробелы в регулировании новых форм частноправовых отношений. Вместе с тем сам факт законодательного закрепления цифровых прав следует оценивать положительно, поскольку это свидетельствует о попытке законодателя адаптировать правовую систему к вызовам цифровой экономики.

Несмотря на обоснованную критику формулировок и содержания норм о цифровых правах, их появление в Гражданском кодексе РФ представляет собой важный шаг в развитии частноправового регулирования цифровых отношений. Хотя законодательное регулирование не всегда успевает за стремительными изменениями в цифровой сфере, включение цифровых прав в систему объектов гражданских прав создает основу для дальнейшего совершенствования законодательства в условиях глобальной цифровизации экономики и общественных отношений.

Библиография

1. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179-192.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.
3. Лисицын А.Ю. Новое законодательство о цифровых финансовых активах: перспективы для банковского бизнеса // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2020. № 4. С. 4-17.
4. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (07). С. 11-16.
5. Новоселова Л.А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31-54.
6. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

8. Рожкова М.А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni (дата обращения: 25.05.2025).

Digital rights as objects of civil rights

Arina P. Rozhentseva

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Varvara I. Pugina

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Vyacheslav A. Gaiduk

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Evelina A. Yurkevich

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Dmitrii E. Nosik

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Anatolii G. Korchagin

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal nature of digital rights in Russian civil legislation introduced in 2019–2020 (Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, laws on digital financial assets and investment platforms). The author examines controversial issues related to the narrow and contradictory definition of digital rights, their distinction from utilitarian digital rights and digital financial assets, as well as problems of marketability and verification of rights in information systems.

For citation

Rozhentseva A.P., Pugina V.I., Gaiduk V.A., Yurkevich E.A., Nosik D.E., Korchagin A.G. (2025) Tsifrovyye prava kak ob"ekty grazhdanskikh prav [Digital rights as objects of civil rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 411-418.

Keywords

Digital rights, utilitarian digital rights, digital financial assets, civil legislation, information systems, objects of civil rights, digital economy.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 21, 2021) (1994). *Rossiyskaya Gazeta*.. December 8. No. 238-239.
2. Gongalo B.M., Novoselova L.A. (2019) Is there a place for "digital rights" in the system of civil law objects. *Perm Legal Almanac*, 2, pp. 179-192.
3. Lisitsyn A.Yu. (2020) New legislation on digital financial assets: prospects for the banking business. *Settlements and operational work in a commercial bank*, 4, Pp. 4-17.
4. Nesterov A.V. (2020) On digital rights and objects of digital rights. *Law and digital economy*, 1 (07), pp. 11-16.
5. Novoselova L.A. et al. (2019) Digital rights as a new object of civil law. *Law*, 5, pp. 31-54.
6. On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: federal law of 18.03.2019 No. 34-FZ. *Official Internet portal of legal information*. Available at: www.pravo.gov.ru.
7. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 31.07.2020 No. 259-FZ. *Official Internet portal of legal information*. Available at: www.pravo.gov.ru.
8. Rozhkova M.A. (2020) Digital rights – what are they and are they needed in the Civil Code? *Zakon.ru*. August 17. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovyye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni [Accessed 05.25.2025].